

История



Научная статья
УДК 94(57).084.9
EDN: KAXLXM
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-97-107>

«Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие

А.В. Прокопьева

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье проведен анализ различных факторов адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии. Переселенцы были разных национальностей и религий, а объединяло их трудолюбие, свобода действий, любовь к земле. В Сибирь ехали, как правило, крестьяне со средним достатком, при этом, готовые много работать, чтобы получить хороший урожай. Данная реформа положительное влияние оказала на геополитическое состояние России, потому что сибиряки в годы Великой Отечественной войны проявили силу, отвагу и патриотизм как в самих сражениях, так и в тылу. К этому периоду выросли и дети переселенцев, которые пошли в Красную армию, однако голендров брали только в трудовую армию. Причины таких различий представлены в исследовании. Информаторы помогли описать положительный и отрицательный опыт их родственников в суровых климатических условиях Восточной Сибири. Кроме этого, представлена информация об особенностях строительства домов первых переселенцев, религиозных отличиях в сравнении со старожилами, культуре и духовной жизни голендров, белорусов и поляков, которые жили и до сих пор проживают в известных селах Иркутской области: Пихтинск, Тургеневка и Вершина. Анализ проведен как научных статей, так и интервью с информаторами в этих населенных пунктах, а также статей исследователей. Автор сделал вывод о том, что «переселенцы» не планируют уезжать из своих уже родных сибирских мест, наоборот, в разные периоды, молодежь готова жить и трудиться в сельской местности при условии наличия работы и жилья.

Ключевые слова: сельское хозяйство, переселенцы, голендры, поляки, белорусы, колхозы, трудовая деятельность, дома, духовная жизнь

Для цитирования: Прокопьева А.В. «Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 97–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-97-107. EDN: KAXLXM.

History

Original article

“Adjusting to Siberian life”: the historical experience of adaptation of peasant settlers in the Irkutsk province and its contemporary legacy

Anna V. Prokopieva

The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. This article analyzes various factors affecting the adaptation of peasant settlers in the Irkutsk province. The settlers were of various nationalities and religions, but they shared a spirit of hard work, freedom of action, and love for the land. Those who went to Siberia were typically peasants of average income, yet willing to work hard to achieve a good harvest. This reform had a positive impact on Russia's geopolitical situation, as Siberians demonstrated strength, courage, and patriotism during the Great Patriotic War, both in battle and on the home front. By this time, the children of the settlers had also grown up and joined the Red Army; however, the Golendry (Golden peasants) were recruited only into the labor army. The reasons for these differences are presented in the study. Informants helped to describe the positive and negative experiences of their relatives in the harsh climatic conditions of Eastern Siberia. Additionally, information is provided on the construction practices of the first settlers, particularly on differences with older settlers, as well as the culture and spiritual life of the Golendres (Dutch), Belarusian, and Polish peoples who

are still alive and residing in the well-known villages of Pikhtinsk, Turgenevka, and Vershina in the Irkutsk region. The analysis was conducted in both scholarly articles and interviews with informants in these villages, as well as in articles dedicated to the research. The author concluded that the "settlers" do not plan to leave their already native Siberian places; on the contrary, at various times, young people are ready to live and work in rural areas, provided that work and housing are available.

Keywords: agriculture, settlers, Dutch, Poles, Belarusians, collective farms, labor activity, houses, spiritual life

For citation: Prokopyeva A.V. (2025) "Adjusting to Siberian life": the historical experience of adaptation of peasant settlers in the Irkutsk province and its contemporary legacy. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 97-107. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-97-107. EDN: KAXLXM.

Цель данной статьи – провести краткий обзор научных выводов (представленных как в печатных изданиях, так и электронных ресурсах) об организации и историческом значении крестьянского переселения в Сибирь в начале XX века и ввести в научный оборот ключевые данные устных бесед лета 2025 г. с потомками переселенцев.

Столыпинское переселение – это период с 1906 года по 1917 год, когда в полной мере действовали инициативы П.А. Столыпина в аграрном вопросе страны. Он был уверен, что единоличная крестьянская собственность приведёт к подъёму сельского хозяйства (Рогачевская, Новикова, 2011. С. 184) и послужит «залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве». Однако в Сибири имперские власти сознательно сохраняли государственную собственность на землю, рассматривая крестьян как ее наследственных арендаторов. При этом государство содействовало переселению, активно и на регулярной основе шло соответствующее информирование (Российские реформаторы, 1995. С. 266). Например, выпускались брошюры с ценами в Сибири: стоимость коровы, лошади, условиях получения ссуд, информация о выставках, свободных местах на складах, а также прокатных пунктах. Кроме этого, был представлен обзор сельскохозяйственной жизни в Иркутской губернии «озимая рожь составляла 28,1 %; яровая рожь – 25,2 %; пшеница – 12,5 %; ячмень – 6,5 %; овес – 22,5 %; картофель – 2,5 %; прочие хлеба – 2,7 % (Черных, 1923. С. 20).

Государственная власть инициировала основание новых поселений. В них параллельно, насколько это было возможно, развивали инфраструктуру (церкви, школы, детские сады, больницы и пр.). Кроме этого, проводились исследования, направленные на изучение земельных угодий, состава почвы, флоры и фауны в Сибири. Для пересе-

ленцев были предусмотрены пособия, для каждой территории своя сумма. Так, если переселенец желал остановиться у железной дороги, то выплата на семью составляла 120 рублей. Если речь идёт об отдалённых районах, например, верховьях Лены, то размер пособия составлял 250 рублей (Прокопьева, 2016. С. 89). Кроме того, проводилась инвентаризация земель, у старожилов изымались излишки, создавались новые душевые наделы. Например, исследования «подтверждают полную пригодность этих земель для заселения и констатируют наличие среди них обширных еланей и открытых мест» (Успенский, 1907. С. 19).

Иркутская губерния воспринималась как лесная местность, поэтому поощрялось переселение из лесных территорий Смоленской губернии, Восточной Белоруссии, Могилевской, Гомельской, Витебской губерний. Необходимо отметить, что сначала в Сибирь отправляли ходаков (Дмитриев, 2020. С. 211). Они, как уполномоченные группы переселенцев, осматривали варианты заселения. Если место нравилось, то ходак вписывал душевые доли. После окончания Русско-японской войны Сибирь становится важным геополитическим фактором. Крестьяне стали проводниками имперской государственной политики. Сибирь – это запас настоящих и будущих защитников Родины, трудовой силы и мощи (Зобов, 1993. С. 22).

Для переселенцев Сибирь была испытанием. В 1889 г. был принят закон, который облегчал процесс переселения в Сибирь, однако на деле получилось, что люди приезжали на заросшие лесом участки, жили в землянках, пока обрабатывали территорию и строили дома. В дом заезжали в лучшем случае через два года после переселения. Денежной помощи, что выделяло государство, было недостаточно, поэтому положение семей оставалось тяжелым. При этом движение в Сибирь не заканчивалось, а наоборот росло, потому что в

1897 году был зарегистрирован «избыток» населения в европейской части страны на 35 %. Ехали за Урал, как правило, крестьяне со средним достатком. Они не боялись рисковать, умели много и продуктивно работать, однако в родной стороне не могли улучшить свое положение (Пьянков, Михалев, 2015. С. 44).

На государственном уровне формировались отделы, которые отвечали за бесплатное питание, медицинский осмотр переселенцев. На Сибирь выделяли 3 000 000 душевых долей, а на Якутию 6 000 000 душевых долей. По данным статистики, в Сибири на 1926 год проживало 5 000 000 населения и, примерно, столько же за период с 1906 года по 1914 год отправлено переселенцев. Наиболее привлекательными были: южная часть Томской губернии, Минусинская котловина в Енисейской губернии, южные районы Иркутской губернии. Так, из 3 054 000 переселенцев, которые приехали в Сибирь к 1913 г., порядка 2 млн чел. приходилось на западносибирский регион. Половина из них поселилась в Томской губернии (Пахомчик, Фракин, 2009. С. 34).

Называли населенные пункты сами чиновники, акцент делали на литературную тематику. Например, участок Шевченко, Короленко, Пушкинский, Тургеневский. В ходу были библейские названия, встречались названия из греческой мифологии. Необходимо отметить, что государство не принуждало, а всячески помогало крестьянам совершенствоваться в аграрной сфере. Это был осмысленный путь крестьян в освоении новых территорий. На западе крестьянин имел 5 га, а в Сибири в 8–12 раз больше. Например, в Нижнеудинском уезде, чье население с 1896 по 1914 гг. увеличилось как минимум в два раза, производительность выросла в 1,5 раза. Здесь рождались знаменитые воины-сибиряки, которые в годы Великой Отечественной войны станут надежной защитой СССР (Матвеев, 2018а. С. 129).

Старожилы по-разному встречали переселенцев. Об этом периоде описано в интервью Елены Новиковой¹, а также в научной статье А.К. Кириллова (Кириллов, 2019. С. 629). Итогом

знакомства новоселов и старожилов был обмен опытом. Так, переселенцы повлияли на развитие маслоделия, посева льна, сахарное производство (Лебедев, 1930. С. 7).

Значительные изменения в переселенческом деле начались с начала строительства железной дороги в Сибири. Рабочих не хватало, поэтому Западную часть страны мотивировали на переезд в Сибирь. Крестьяне со своими семьями шли за идеями, высокими пособиями и свободой. Была налажена относительно полная регистрация переселенцев, ходяков и обратников (Моисеенко, 2015. С. 89). Кроме этого, в строительстве железной дороги принимали участие солдаты, казаки, ссыльные. Так, если в 1891 году на этом направлении работало 9 600 человек, то в 1895–1897 годах трудилось уже 89 000 человек. Но на заключительном этапе строительства в 1904 году осталось только 5 300 человек².

Переселенцы наполнили Сибирь разными нациями и религиями. Крестьяне одной национальности старались селиться ближе друг к другу, чтобы сохранять свою культуру и обычаи. Постепенно они приспосабливались к особенностям сурового климата. Делились опытом между собой и с местными жителями. Старожилы вспоминают совместные праздники, трудовые будни, дни, когда плечом к плечу встали на защиту страны от врага в военные годы, затем проживали период совместного горевания потерь родных и друзей, а потом и великого восстановления страны после разрушений фашистами (Новиков, 2014. С. 36).

В период реализации столыпинской аграрной реформы в Иркутскую губернию прибывали голландцы – потомки голландских колонистов, мигрировавших в Восточную Европу в Средние века. Согласно распространенной точке зрения, данная этноконфессиональная группа обособилась в эпоху религиозных конфликтов, что обусловило формирование их уникальной социокультурной идентичности.

Голландцы имели немецкие имена и фамилии, изначально говорили на смеси украинского и белорусского языков, песни до сих пор поют на польском, а свои религиозные обряды совершают при

¹ Переселенцы. Сто двадцать лет спустя. URL: <https://tyumedia.ru/232302.html> (дата обращения 10.06.2025).

² П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь URL: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2002_09/Rogachevskaya.htm (дата обращения 10.06.2025).

помощи «ксёнки» – свода молитв и правил, изданного еще в позапрошлом веке в Польше. В шестидесяти километрах от Заларей, в таёжной местности располагаются три населённых пункта, представляющие собой последнюю территорию компактного проживания голендров. В настоящее время совокупная численность населения Пихтинска, Среднепихтинска и Дагника составляет около 300 человек.³

Голендры, как и другие переселенцы, ехали в Сибирь из-за недостатка земли дома, невозможности прокормить семью. Их поддерживала надежда прочно устроиться в Сибири. «Земли там было мало, – рассказывает Густав Михайлович Кунц, – ни земли, ни покосов, все помещичье. Корову на веревке пасли. А в Сибири землю свободно давали. Земля плодородная, все растёт. Конечно, яблок и груш нет, но без этого жить можно, а хлеб и все остальное есть. И свободная земля – сколько хочешь бери, где хочешь стройся».

Отличительной чертой в строительстве домов голендров были дома-комплексы. Заходишь в ограду справа – хозяйственная часть, а слева – дом. Жилую часть всегда белили снаружи и внутри. Таким образом, из хозяйственной части можно было по закрытому коридору перейти в дом и так обратно, минуя улицу. Дом состоял из кухни, куморы (прихожей или гостиной) и хаты (комната для отдыха). Такие комплексы строили в довоенное время, а после войны стали строить стандартные дома, как в Сибири. Стайки двигали по огороду: до 1990-х они были в конце огорода, а потом стали двигать ближе к дому, потому что скот воровали. Все дома стояли хозяйственной частью к дороге. Ветер с севера был, поэтому такое строительство жилую часть защищало от ветра. Солнце встает в одни окна, далее оно движется, попадает в следующие окна, а потом в третьи окна. Солнце весь день освещало дом. Свет у голендров загорелся в 1968 году.

Река Тагна – это кормилица для многих жителей близлежащих населённых пунктов. В ней ловили хариуса, тайменя, ленка, ельца и щуку. Мужчины занимались охотой и рыбалкой. Село Хор-Тагна

больше было промысловым, а Пихтинск славился рыбалкой.

Необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны те, кого призывали в 1940 году на службу в Красную армию на западе СССР, участвовали в боях, а тех, кто служил на востоке, отчисляли из рядов Красной армии и направляли в трудовую армию. Туда же из деревень мобилизовали наиболее трудоспособных мужчин и женщин. Трудармейцы возвращались домой только в 1950-х годах. В послевоенный период пихтинские голендры могли стать октябрятами, пионерами, комсомольцами и затем переходили в коммунистическую партию. С этого времени они стали жить, как обычные сибиряки.

Из воспоминаний современных голендров, в трудовой армии парни знакомились с девушками и привозили их домой. Однако мамы были против такого выбора, молодые люди должны были жениться на «своих». В некоторых семьях мамы «невест с чужих мест» провожали обратно на Родину, а сыновья шли свататься к деревенским девушкам.

В Дагнике, во время Великой Отечественной войны, был колхоз «Мичурин», он в этот сложный период для всей страны тоже переживал не лучшее время, по словам старожил, он «существовал». В деревне была школа, работала учителем женщина с высшим образованием агронома. Даже из ближайших деревень привозили учеников к ней на занятия.

Позитивные воспоминания у голендров связаны с периодом 1950–1989 гг. В Дагнике было построено 20 новых домов. С 1910 года по 1917 год как построили свои первые дома, так строительство остановилось. Такая тенденция наблюдалась по всей Иркутской губернии (Матвеев, 2018b. С. 43). Новая волна началась в 1952 году, когда правительство снова уделило внимание аграрному сектору. В совхозах появилась современная техника. Соответственно, из городов вернулись парни, которые после школы пошли в армию и потом переехали в город из-за того, что в деревне не было работы и домов для создания своих семей.

Совхоз «Таежный» в этот период определил для себя кормозаготовительное направление. Готовили много сена, витаминно-травяной муки, силоса. Зимой готовили даже хвойную сечку, ее продавали в три ближайших района, вывозили из Пихтинска, начиная с ноября, заканчивали в марте.

³ Заблудившиеся в Сибири. URL: <https://travel.drom.ru/82218/> (дата обращения 10.06.2025).

Цена за эту «витаминку» была, как за комбикорм: 18 рублей за 1 кг. Кроме этого, производили конные сани в зимний период. Их делали из деревянных полозьев, по 120 рублей продавали, а себестоимость была 10–12 рублей. В совхозе платили за качественную работу, доплачивали сверхнорму, выплачивали 13-ю зарплату, предоставляли бесплатные квартиры.

В совхозе «Таежный» появилась работа, а также возможность решения жилищного вопроса: нарезали новые улицы, выделили брус. Чтобы ускорить строительство, стали собирать по соседним деревням срубы, тогда молодые специалисты могли в течение года построить дом и войти в него жить. Делаем вывод о том, что совхоз решал жилищный вопрос, поэтому молодежь охотно оставалась на селе и с радостью развивала здесь жизнь. Построили клуб, сельский совет, дорогу отремонтировали. Появилась дорога от Хор-Тагны до Пихтинска. Автобус стал возить учеников. Сначала один раз в неделю, тогда дети жили в интернате, а потом и каждый день. Решили вопрос с детским садом, парни стали привозить невест из других деревень и городов, родители уже были не против «чужих» невест.

Мужчинам работа в совхозе нашлась, а у женщин были только домашние хлопоты, тогда было решено открыть швейный цех – филиал фабрики г. Черемхова. Пятнадцать женщин сразу пошли работать. В планах была восьмилетняя школа, но ее не успели построить, СССР распался.

В начале 80-х все мелкие совхозы объединили в колхозы, стали сеять пшеницу, открыли молочную ферму. Была проведена оптимизация хозяйства, деревни голендров снова выросли, завезли новую технику: МТЗ, ГАЗ-53, ЗИЛ-130, комбайны, сушильный комплекс АВМ-0,65 для создания витаминной муки.

Начиная с 1950-х годов и до конца 1980-х директором совхоза «Таежный», а потом и колхоза был Григорий Михайлович Гайдуков. Он приехал к голендрам по направлению и эффективно решал задачи, поставленные перед ним руководством губернии. Благодаря ему появилась центральная усадьба (сельский совет) в Тагне. Открылись магазины во всех деревнях. Построили здание пекарни, сделали двухярусную печь, завезли оборудование. Но СССР распался и на этом развитие остановилось.

Самым известным пихтинским голендром считается Иван Зигмунтович Зелент. Иван Зигмунтович был комсомольцем, потом три года служил в армии, затем вернулся в Тулун и начал путь в политике – сначала Тулунского района, а потом и всей Иркутской области.

Люди являются не только двигателем хозяйственной деятельности в селе, но и проводниками духовной культуры. Духовная жизнь передавалась из поколения в поколение. Так, в деревне Пихтинск было сформировано лютеранское общество, сюда приезжал лютеранский пастор. В 1914 году хотели построить церковь, подготовили и в Иркутске утвердили документы, но началась Первая мировая война, и все это остановилось. Старожилы вспоминают, как в 1982 году стали строить клуб, пришел дедушка, старейшина села, и сказал: «Смотрите, место здесь священное, оно предназначалось для общества, и это время пришло». Он собирал людей, читали молитвы на польском языке. Сегодня читают на русском, потому что мало кто знает польский язык.

Кладбища голендров отличаются от других сибирских тем, что на могиле ставится крест в голову с одной перекладиной. Оградки стали делать только сейчас, раньше этого не было. До 1950-х годов на кресте писали на польском языке, а потом на русском. Поминки на кладбище не делали и соблюдают эту традицию до сих пор.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что голендры принесли в Иркутскую губернию свою лютеранскую веру, любовь к свободе, трудолюбие и уважение к старшим.

Еще одна деревня Иркутской губернии появилась в 1907 году, назвали ее Васильевкой, а в 1909 появилась деревня Тургеневка, в 1910 году – деревня Даниловка. В них стали жить и трудиться белорусы. Смысл ехать так далеко у них был: семье давали по 10 гектаров плодородной земли в Прибайкалье⁴. Обустраивались капитально, трудились тяжело. По архивным данным, белорусы заселили 124 участка только в Тулунском районе, им также выделили большие участки в Тайшетском, Куйтунском, Зиминском и Слюдянском районах. Кажется,

⁴ Первичные итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. // Материалы Иркутского губернского статистического бюро. Вып. 5. Иркутск, 1921. С. 1–33.

совсем не было белорусов на севере Иркутской области: Мамско-Чуйский, Бодайбинский, Катангский районы⁵.

Белорусы строительство поселений начинали с плана. Улицы должны были быть широкими и ровными. Через каждые шесть домов формировали переулок, возле каждого дома строили палисадник, в котором обязательно сажали рябину. Стены домов строили из лафета, бревна, обтесанного со всех сторон (Миротворцев, 1923. С. 22). Для коренных жителей Сибири было странным, что белорусы покрывали крыши домов соломой. Они строили, как их учили отцы, которые жили в мягком, по сравнению с Сибирью, климате. Конек и карниз крыши делали из бруса, наносили на них резные узоры. Наличники тоже украшали резьбой, ворота чаще расписывали разными красками, могли менять рисунки каждый год. Декоративное украшение изб в деревнях началось благодаря белорусам, которые показали местным жителям это направление в оформлении своего жилища. Окна в избах выпиливали так, чтобы весь день ее освещало солнце и видно было калитку и людей, которые пришли. В каждой избе был погреб, который копали таким образом, чтобы по нему пройти до соседей. Во дворе рубили сараи и амбары, а ближе к реке – баню. В ней мылись один или два раза в неделю (Татарникова, Загороднюк, 2018. С. 151).

В хате у белорусов углы и стены имели свои названия. Подполье или погреб относились к нижнему миру (тьма, черти, загробный мир и темнота), чердачное помещение – это мир прав, мир Богов, Высших сил и Вселенной. Хата, в которой живут, кушают, разговаривают люди – это мир яви (мир «здесь и сейчас»). Порог, пол и потолок – это границы между мирами, а окна и дверь были связью внутреннего и внешнего мира. Белорусы верили в то, что эти «связи» опасны, потому что через них может пройти нечистая сила и принести беду. Одним из главных атрибутов хаты была печь, которую строили у входа, а ее устье должно было быть направлено к длинной боковой стене. Печь занимала четвертую часть хаты, потому что в ней готовили

пищу, варили корм для скота, она обогревала помещение, а также зимними вечерами грелись на печи, спали и сушили одежду. По диагонали от печи располагался красный угол. В нем размещали иконы и вербу на красивых салфетках (их вышивали, ткали или вязали).

Белорусы принесли с собой лен. Его первыми в Сибири стали выращивать именно они. Собиралось несколько семей, чтобы собрать лен, а затем изготовить из него льняные ткани и масло (Лойко, 2017. С. 366).

Для того чтобы оперативно сеять, пахать, молотить и собирать урожай в деревне, нужны были помощники, как правило, это были дети, поэтому семьи у белорусов были большими. Ни свои, ни чужие дети не становились препятствием для заключения повторных браков вдовами или вдовцами. Весьма характерную ситуацию отражает следующий рассказ информатора: «У нашего деда семь детей было. Померла баба. Дед жанился – взял с двумя детьми. Еще троя нажили. Тоже померла. На третьей бабке жанился, сам вперед помер...». Подобные рассказы – свидетельство представления о детях как о безусловной ценности, на них смотрели как на опору, надежду и утешение в старости, залог вечной памяти в последующих поколениях. Неслучайно родильно-крестильная обрядность хранила множество заветов, рекомендаций, обычаев, способствующих благополучному развитию ребенка в утробе матери, облегчению родов, рождению здорового и «пригожего» дитя. В Сибири, как и в Белоруссии, горестным считалось существование бездетных родителей, к которым все сельское общество проявляло сочувствие, а также особое внимание и заботу. Многодетные семьи обладали большей защищенностью, чем малодетные (Трелин, 1926. С. 16).

Необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны из белорусских общин было эвакуировано 1,5 млн человек в Сибирь, часть из них после окончания войны не стала возвращаться в Белоруссию. В послевоенное время белорусы работали на освоении целинных земель, в 1954–1962 годы на строительстве автомобильных дорог. Белорусские миграции в Сибирь в 50–80-е годы прошлого века были связаны, в первую очередь, с крупнейшими сибирскими стройками. Меняется социальный статус переселенцев, приезжающих в Сибирь: отныне это не жители деревни, а квалифи-

⁵ За землей – в Сибирь. Как белорусские крестьяне искали лучшей доли. URL: https://gulevich.net/statiy.files/za_zemley_v_sibir.htm (дата обращения 10.06.2025).

цированные рабочие и представители интеллигенции. И переселение идет не в сельскую местность, как ранее, а преимущественно в города и места новостроек. Однако, как только совхозы и колхозы получали новую технику и предлагали вакантные места, то молодежь переезжала в село.

В годы становления советской власти в каждой деревне образовались свои колхозы, которые просуществовали до середины 60-х годов. И только после объединения, когда был организован колхоз «Путь Ленина», крестьяне почувствовали, каково это жить в достатке. Например, имя председателя колхоза Александра Перевалова в Васильевке до сих пор произносят с придыханием. Именно при нем в деревне появились современная школа, детский сад, столовая, клуб, баня, общежитие, поликлиника. Он вывел коллективное хозяйство в передовые, обустроил первые в области механизированные коровники и телятники, обеспечил людей достойным заработком. «Путь Ленина» собирал урожай зерна по 40 ц с га при средней урожайности по стране 20–25 ц. Дойное стадо тогда превышало 800 голов, а надои били все мыслимые рекорды.

Духовная сфера белорусов была связана с православной верой, соблюдением постов и религиозных традиций. Бабушки и дедушки готовили «смертное» заранее. Если речь в семье заходила о смерти, то в лексике использовали выражение «пути-дороги», как будто человек готовится к дальней дороге. Переодевание умершего в новую одежду означало приобретение им нового состояния и статуса в «другой жизни». Например, у женщин комплект одежды состоял из «станушки» (рубахи), сарафана и «запона» (передника), а также головного убора, пояса и вязанных чулок. На голову обязательно повязывали два платка (Фурсова, 2011. С. 81). Пока были живы старики, гробы делали долбленые, однако в настоящее время таких умельцев почти не осталось. Сохранилась память, что «законным» является гроб-«долблёнка», а не гроб из досок, который называют «с тёсу». Колоды и кресты заготавливают впрок. На колоде, как и на кресте, вырезали фамилию, имя, отчество, годы рождения и смерти. Обязательным блюдом на поминальном столе были кутья и квас.

Таким образом, белорусы принесли в Иркутскую губернию умение планировать свой быт и производство льна. Ужиться со старожилами им

было проще в том, что традиции с русскими во многом совпадали, а с бурятами их объединяла любовь к охоте.

Далее рассмотрим историю польских переселенцев в Иркутской губернии. Л.К. Островский писал о том, что польские крестьяне-переселенцы были рассеяны на огромной территории Сибири. Как и у многих других национальных меньшинств, проживавших в Сибири, у поляков не было резко очерченных границ национальной территории. Они жили вперемешку с другими национальностями (Островский, 2009. С. 40).

В 1910 году была образована деревня Вершина, в которой стали жить поляки. Хотя прибыли они сюда добровольно в погоне за лучшей долей и землей, которую им пообещал знаменитый российский реформатор Столыпин, осуществивший свой грандиозный план по переселению народов (Соколов, 1924. С. 28). Необходимо заметить, что и до того в Сибири было довольно много поляков, попавших сюда по итогам нескольких восстаний за независимость. Деревня отличалась от прилегающих деревень тем, что в ней имелся костёл, свой ксендз, присланный из Польши⁶.

Поляков-мужчин приехало в Иркутскую губернию больше, чем женщин, поэтому распространение получили межнациональные браки. Чаще женились на русских или бурятских девушках. При этом парни гордились тем, что они поляки, хоть их жены и дети не говорили на польском языке. Такое положение данной диаспоры подтверждает И.Ю. Заринов: «Многие из оказавшихся в Сибири поляков были вынуждены вступать в браки с представителями других народов, вот почему можно встретить якутские или бурятские семьи с чисто польскими фамилиями: Заборовские, Мицкевичи, Левандовские, Кшижановские, Козицкие, Ружанские и т. п.». (Заринов, 2010. С. 28).

Кроме материальных предметов, польские крестьяне-переселенцы привезли с собой в Сибирь собственную систему ценностей, прежде всего, веру (подавляющее большинство было католиками), а также связанные с ней календарные и се-

⁶ В музее «Тальцы» строят улицу переселенцев времен столыпинской аграрной реформы. URL: <https://www.irk.ru/news/20211222/museum/> (дата обращения 10.06.2025).

мейные обычаи, трудовой культ (*etos pracy*), эстетические и пищевые привычки, также влиявшие на восприятие их старожилами, их взаимоотношения и защиту идентичности (Ольшевски, 2021. С. 269).

Поляки научили местных жителей готовить колбасу, стряпать сладкие печенья, владеть плотницким делом, а также рассказали о польских трактирах и гостиницах, которые имели красивое оформление и качественное обслуживание. Поляки отличались своей учтивостью, сдержанностью, тактом и гуманным отношением к людям. У коренных жителей они переняли приемы скотоводства и земледелия в сложных климатических условиях.

В годы Великой Отечественной войны поляков призывали в Красную армию, а те, кто оставался в деревне держались дружно с местными жителями: делились мукой, вместе стряпали хлеб, работали и забирали к себе детей, осиротевших в это тяжелое время для всей страны.

Для поляков, переселившихся в Сибирь, одной из главных была проблема сохранения родного языка и религии. С целью сохранения языковой, конфессиональной идентичности и самобытности польская диаспора должна была адаптироваться к новым условиям жизни. В сложных условиях адаптации на чужой территории была велика роль церкви. Сохранение этнических традиций у польских переселенцев в условиях Сибири проявлялось, прежде всего, в религиозной сфере. Среди элементов этнической культуры важнейшим для польской диаспоры являлся язык (Метляева, 2016. С. 20).

Для того чтобы сохранить польский язык и традиции на сибирской земле, в школе преподавали польский язык, затем построили часовню. Когда закончилась Великая Отечественная война, отменили изучение польского языка в школе, закрыли костел, правительство пропагандировало отказ от религии. Возобновление польской религии и связи с родными из Польши началось с конца 1980-х годов XX века, тогда в Вершину стали приезжать польские учителя и министры, а затем и польские туристы.

Дома поляки в Сибири начинали строить не сразу, а через два-три года после переселения. Все это время они жили в землянках, поэтому большая часть умерла в первые два года после переселения. Дома строили с двухскатными крышами и колонным крыльцом, а в остальном они были похожи на сибирские дома начала XX века. В последний

путь поляков провожали и продолжают это делать по католическим традициям. Таким образом, поляки смогли в суровой Сибири подружиться со старожилами и сохранить до наших дней традиции и религию католиков.

Среди польских деревенских переселенцев были кузнецы, плотники, столяры и даже сапожники. Многие из них основывали в Сибири процветающие впоследствии собственные предприятия, например мельницы, кирпичные заводы, лесопилки, бондарные, плотницкие, столярные, сапожные мастерские, кузницы, заводы по производству масла, обработке кожи (обслуживавшие не только поселения, где проживали поляки), а также образцовые скотоводческие хозяйства (Leończyk, 2017. С. 140–141, 149, 151, 154–155).

Анализ переселения во времена Столыпинской реформы на примере голендров, белорусов и поляков показал, что многие из представителей этих народов не смогли адаптироваться к суровым условиям сибирской жизни, поэтому кто-то погибал от мороза и голода, а кто-то возвращался домой. Следующим периодом оттока этих народов был развал СССР, когда люди возвращались на свою Родину, а молодежь уезжала в город, потому что в деревне не было работы и жилья. Однако пандемия COVID-2019 мотивировала городских жителей вспомнить свои «таежные» дома и вернуть в них жизнь. Например, в Тургеневке две семьи получили гранты на развитие фермерского хозяйства⁷. Пихтинские голендры тоже возвращаться никуда не хотят, им в Сибири хорошо, потому что простор и свобода⁸. Кроме этого, еще при Хрущеве произошло укрупнение деревень, поэтому только белорусских или польских деревень не стало, в деревнях соседствуют разные народы и религии.

Итак, диаспоры голендров, поляков и белорусов привыкли к сибирской жизни, поэтому возвращаться к предкам не планируют, а молодежь готова остаться жить и трудиться в деревне, если будет работа и жилье.

⁷ Все мы переселенцы... или их потомки. URL: <https://www.sbras.info/articles/simply/vse-my-pereselentsy-ili-ikh-potomki> (дата обращения 10.06.2025).

⁸ Голубовский А. Голендры. Кто они? URL: <https://memorial.krsk.ru/Articles/1999/1999Golubovsky.htm> (дата обращения 10.06.2025).

Список источников

Дмитриев А.В. Некоторые факты из истории переселения белорусских крестьян Гродненской губернии в конце XIX – начале XX века (на примере местечка Новый Двор) // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 1. С. 211–219. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.34. EDN: RGYTXX.

Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. М.: ИЭА РАН, 2010. 268 с. EDN: QPQWRX.

Зобов Ю.С. Политика правительства по регулированию крестьянского переселенческого движения в первой половине XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 1993. № 2 (6). С. 22–28. EDN: WAGRJP.

Кириллов А.К. Столкновения переселенцев и старожилов в Сибири накануне и в ходе столыпинского переселения: функции социального конфликта // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 4. С. 625–639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639. EDN: JOOILR.

Лебедев С.В. Возможности и перспективы сахарной промышленности в Минусинском округе // Известия Сибирского химико-технологического института / Сибирский химико-технологический институт. № 1. Томск : б.и., 1930. 74 с.

Лойко А.И. Белорусы в Сибири: Этнокультурная динамика // Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной Сибири в XX–XXI веках: Опыт и перспективы» (Красноярск, 28–30 ноября 2016 года). Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2017. С. 366–370. EDN: OMFDDDE.

Матвеев А.Л. Развитие хозяйственного комплекса Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в конце XIX – начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2018а. Т. 14. № 1 (26). С. 129–136. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-129-136. EDN: YTMXDF.

Матвеев А.Л. Рост аграрного производства в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018б. № 3 (75). С. 43–48. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-43-48. EDN: YLHLHV.

Метляева М.Ю. Проблемы польских переселенцев в Сибири в XIX – начале XX века // Таврический научный обозреватель. 2016. № 10–1 (15). С. 18–20. EDN: XCSHZT.

Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство в Иркутской губернии в связи с естественно-географическими условиями. Краткий географический и статистический экономический очерк // Материалы Иркутского губстатбюро/ Всерос. с.-х. и кустарно-пром. выставка; Иркутск, 1923. [6]. Вып. 14. 40 с.

Моисеенко В.М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 87–141. EDN: WFEHKV.

References

Dmitriev A.V. (2020) Some facts from the history of resettlement of Belarusian peasants from the Grodno province to the Bashkir region in the late 19th - early 20th centuries (on the example of Novy Dvor). *Bulletin of the Bashkir University*. Vol. 25. No. 1. P. 211-219. (In Russ.). DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.34. EDN: RGYTXX.

Zarinov I.Yu. (2010) Poles in the diaspora. Comparative characterization of the ethnic history of Polish diasporas in Russia, the United States and Brazil. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS. 268 p. (In Russ.). EDN: QPQWRX.

Zobov Yu.S. (1993) Government policy on regulating the peasant migrant movement in the first half of the 19th century. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 2 (6). P. 22-28. (In Russ.). EDN: WAGRJP.

Kirillov A.K. (2019) Clashes between resettlers and old-timers in Siberia on the eve and during the Stolypinsky reform: functions of social conflict. *Historical and Economic Research*. Vol. 20. No. 4. P. 625–639. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639. EDN: JOOILR.

Lebedev S.V. (1930) Opportunities and prospects of the sugar industry in the Minusinsk district. *Izvestia of the Siberian Institute of Chemical Technology*. Siberian Institute of Chemical Technology. No. 1. Tomsk. 74 p. (In Russ.).

Loiko A.I. (2017) Belarusians in Siberia: Ethnocultural Dynamics. *Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference "Specifics of Ethnic Migration Processes in Central Siberia in the XX-XXI Centuries: Experience and Prospects"* (Krasnoyarsk, November 28-30, 2016). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 366-370. (In Russ.). EDN: OMFDDDE.

Matveenko A.L. (2018a) Development of the Economic Complex of the Nizhneudinsky District of the Irkutsk Province at the End of the 19th – Early 20th Century. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 1. P. 129–136. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-129-136. EDN: YTMXDF.

Matveenko A.L. (2018b) Agrarian production growth in the Nizhneudinsk district of the Irkutsk province in the late XIX - early XX century. *Bulletin of Kemerovo State University*. No. 3 (75). P. 43-48. (In Russ.). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-43-48. EDN: YLHLHV.

Metlyayeva M. Yu. (2016) Problems of Polish immigrants in Siberia in the XIX - early XX century. *Tauride scientific observer*. No. 10-1 (15). P. 18-20. (In Russ.). EDN: XCSHZT.

Mirotovtsev K.N. (1923) Agriculture in the Irkutsk province due to natural and geographical conditions. Brief geographical and statistical economic essay. *Materials of the Irkutsk Provincial State Bureau. All-Russia. s.-h. and handicraft-industry exhibition*. Iss. 14. Irkutsk. [6], 40 p. (In Russ.).

Moiseenko V.M. (2015) Peasant resettlement in the 1920s (from the history of migration in Russia). *Demographic Review*. Vol. 2. No. 3. P. 87-141. (In Russ.). EDN: WFEHKV.

Новиков П.А. Исторический опыт административно-территориального деления Сибири в контексте межнациональных отношений // Сибирь – территория межнационального мира и согласия: сборник материалов I межрегионального форума Сибирского Федерального округа (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.). Иркутск : Изд-во НИ ИргТУ, 2014. С. 36–39.

Ольшевский В.Т. Польский крестьянский след в сибирской культуре конца XIX – начала XX века // Культура русских в археологических исследованиях: Археология Севера России : сборник научных статей, Сургут, 08–13 ноября 2021 года. Омск : Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера», 2021. Т. 2. С. 266–270. DOI: 10.31630/978-5-6040401-5-7-2021-2-266-270. EDN: GWNLRB.

Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 38–40. EDN: JVADCW.

Пахомчик С.А., Фракин Р.В. Хозяйственное освоение Сибири в период столыпинской реформы начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 31–36. EDN: MBWBEJ.

Прокопьева А.В. Социальная политика государства // Анализ проблем в области экономики : сборник трудов аспирантов и преподавателей по материалам 16-й Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 23–25 февраля 2016 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт экономики и права, 2016. С. 88–91. EDN: WEXQKJ.

Пьянков С.А., Михалев Н.А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 44–55. EDN: TYCSIX.

Рогачевская М.А., Новикова И.А. Подъем экономики Сибири – следствие аграрной реформы П.А. Столыпина // Сибирская финансовая школа. 2011. № 2 (85). С. 184–193. EDN: OWSUFP.

Российские реформаторы XIX – начала XX в. / отв. ред. А.П. Корелин. Москва : Международные отношения, 1995. 317, [1] с.

Соколов М.П. Иркутская губерния в цифрах. Статистические этюды // Материалы Иркутского губернского статистического бюро. Иркутск : Иркутск. губ. стат. бюро, 1924. [2]. Вып. 26. 85, [2] с.

Татарникова А.И., Загороднюк Н.И. Массовое переселение крестьян в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в. в санитарно-гигиеническом измерении // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 148–154. DOI: 10.17223/15617793/437/21. EDN: YYNVWH.

Трелин И.Ф. Экономическое состояние губернии в 1924/1925 г. и перспективы на 1925/1926 г. // Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск : Комитет содействия Ирк. гос. ун-ту, 1926. С. 12–25.

Успенский А.В. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 1–28.

Фурсова Е.Ф. Семейно-свадебные и погребальные обычаи и обряды белорусских переселенцев в Сибири // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этниче-

Novikov P.A. (2014) Historical experience of the administrative-territorial division of Siberia in the context of inter-ethnic relations. *Siberia - The Territory of Interethnic Peace and Harmony: Proceedings from the I Interregional Forum of the Siberian Federal District (Irkutsk, May 29-30, 2014)*. Irkutsk: NI IrSTU. P. 36-39. (In Russ.).

Ol'szewski V.T. (2021) A Polish, peasant trace in the culture of Siberia at the end of the 19th and beginning of the 20th century. *Russian Culture in Archaeological Research: Archeology of the North of Russia: Collection of Scientific Articles, Surgut, November 08-13, 2021*. Omsk: Institute of Archeology of the North. Vol. 2. P. 266-270. (In Russ.). DOI: 10.31630/978-5-6040401-5-7-2021-2-266-270. EDN: GWNLRB.

Ostrovskii L.K. (2009) The Polish peasants in Siberia in the XIX-XXth centuries. *Humanities in Siberia*. No. 2. P. 38-40. (In Russ.). EDN: JVADCW.

Pakhomchik S.A., Frakin R.V. (2009) Economic development of Siberia in the period of Stolypin's reform in the beginning of the 20th century. *Tomsk State University Journal of History*. No. 4 (8). P. 31-36. (In Russ.). EDN: MBWBEJ.

Prokopyeva A.V. (2016) Social policy of the state. *Proceedings of Graduate Students and Teachers Based on the Materials of the 16th All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, February 23-25, 2016*. Irkutsk: East Siberian Institute of Economics and Law. P. 88-91. (In Russ.). EDN: WEXQKJ.

P'yankov S.A., Mikhalev N.A. (2015) Russia's 1891-1892 famine in Soviet and recent native historiography. *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*. No. 1. P. 44-55. (In Russ.). EDN: TYCSIX.

Rogachevskaya M.A., Novikova I.A. (2011) Economic recovery of Siberia as a result of P. Stolypin's agrarian reform. *Siberian Financial School*. No. 2(85). P. 184-193. (In Russ.). EDN: OWSUFP.

Korelin A.P. (1995) Russian reformers of the XIX - early XX century. Moscow: International Relations. 317, [1] p. (In Russ.).

Sokolov M.P. (1924) Irkutsk province in numbers. *Statistical Studies. Materials of the Irkutsk Provincial Statistical Bureau, Irkutsk*. Irkutsk: Irkutsk lips. stat. bureau. [2]. 85, [2] p. (In Russ.).

Tatarnikova A.I., Zagorodnyuk N.I. (2018) Mass resettlement of peasants in Western Siberia in the late 19th - early 20th centuries in the sanitary and hygienic dimension. *Tomsk State University Journal*. No. 437. P. 148-154. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/437/21. EDN: YYNVWH.

Trelin I.F. (1926) The economic state of the province in 1924/1925 and prospects for 1925/1926. *Sputnik in the City of Irkutsk and the Irkutsk Province*. Irkutsk: Committee for Assistance to the Irkutsk State University. P. 12-25. (In Russ.).

Uspenskii A.V. (1907) Reality, not dreams. *Issues of Colonization*. No. 2. P. 1-28. (In Russ.).

Fursova E.F. (2011) Family, wedding and funeral customs and rites of Belarusian settlers in Siberia. *Belarusians in Siberia: Preservation and Transformation of Ethnic Culture*.

ской культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец (руководители авторского коллектива), А.А. Люцидарская и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 50–88.

Черных А.В. Земледелие и зерновое хозяйство Иркутской губернии и обеспеченность населения хлебом // Материалы Иркутского губ. статист. бюро. Иркутск, 1923. Вып. 15. 33, [1] с.

Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa: Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna «Polonia» Republiki Chakasja, 2017. ss. 323.

Информация об авторе

Прокопьева Анна Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, e-mail: anna1900000@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2722-5088>

Вклад автора

Прокопьева А.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 июня 2025 г.; одобрена после рецензирования 2 июля 2025 г.; принята к публикации 7 июля 2025 г.

Novosibirsk: Archeology and Ethnography SB RAS. P. 50-88. (In Russ.).

Chernykh A.V. (1923) Agriculture and grain farming of the Irkutsk province and the provision of bread to the population. *Materials of the Irkutsk Province. Statistical Bureau.* Irkutsk. No. 15. 33, [1] p. (In Russ.).

Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa: Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna «Polonia» Republiki Chakasja, 2017. ss. 323. (In Poland).

Information about the author

Anna V. Prokopyeva,
Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Disciplines, The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: anna1900000@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2722-5088>

Contribution of the author

Prokopyeva A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 10, 2025; approved after reviewing July 2, 2025; accepted for publication July 7, 2025.